

ПИСЬМО «РУССКОГО ЛИБЕРАЛА»

Публикация С. С. Дмитриева

В первом номере «Русского прибавления к „Колокол“», изданном в Женеве 1 января 1868 г. под заголовком «Циркуляры III Отделения», помещены были два секретных письма шефа корпуса жандармов и начальника III Отделения гр. П. А. Шувалова. Первое, от июня 1867 г., было адресовано в Ригу, генерал-губернатору Северо-Западного края П. П. Альбединскому, второе, от 13 июля 1867 г., — в Николаев, военному губернатору Б. А. фон Глазенау. Оба письма по содержанию очень близки друг другу. Шеф жандармов инструктировал в них своих адресатов о мерах, которые должны были быть приняты при проезде Александра II через Ригу на возвратном пути из Парижа в Петербург 14—16 июня 1867 г. и через Николаев при проезде царя из Петербурга в Ливадии во второй половине июля того же года.

Письмо к Альбединскому, отправленное из Варшавы, было опубликовано Герценом, повидимому, по списку, снятому с черновика. На нем не была обозначена дата отправления и не было подписи. Письмо к Глазенау, отправленное из С.-Петербурга, в публикации «Колокол» имело полную подпись: «Граф Петр Шувалов».

В обоих письмах выражалась серьезная озабоченность относительно мер по охране особы царя. Шеф жандармов сообщал о направлении в Ригу десяти человек секретной охранной стражи во главе с чиновником секретной полиции и о приемах, при помощи которых следует «не подпускать народ во время овадий близко к экипажу государя-императора»: народ должен быть «удаляем с тротуаров не менее как на десять шагов в каждую сторону, когда изволит его величество садиться в экипаж». Шеф жандармов предлагал предупредить жителей о строгом воспрещении личной подачи прошений царю; рекомендовал ставить в первые ряды толпы переодетых тайных полицейских агентов; наконец, предписывал, чтобы крики «ура!» и прочие приветственные возгласы «через посредство внушений полиции» «были выражаемы прилично и умеренно, не взрывами, и так, чтобы не могли обеспокоить и (чего боже упаси!) испугать особу его величества своею неожиданностью». В письмах напоминалось о покушениях на Александра II: Каракозова — в Петербурге и Березовского — в Париже.

На первом письме было обозначено: «Конфиденциально-строжайшее», на втором — «Конфиденциально». Тем не менее письма оказались опубликованными в вольной русской печати. Под вторым письмом помещены были следующие строки от автора: «Препроводя эти два документа в редакцию „Колокола“, мы считаем долгом отвечать за их совершенную подлинность. — *Русский либерал*».

Как известно, в первой части «Голосов из России» 1856 г. за подписью «Русский либерал» помещено было «Письмо к издателю». Авторы его — К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин. Кто воспользовался этим же псевдонимом спустя одиннадцать лет, сказать трудно. Можно только с уверенностью утверждать, что «Русский либерал», прославивший в «Колокол» копии писем Шувалова, не имел никакого отношения ни к Кавелину, ни к Чичерину. В бумагах «софийской коллекции» сохранилось публикуемое ниже письмо за подписью «Русский либерал», при котором присланы были в редакцию «Колокола» упомянутые секретные документы.

Рассказав весьма замысловатую и явно беллетризованную историю снятия копий с писем Шувалова, автор письма давал свое согласие на опубликование их Герценом. Из текста письма видно, что автор счел нужным скрыть свое имя также и от издателей «Русского прибавления к „Колокол“». Герцен не без недоверия отнесся к этой корреспонденции. «Детали шуваловские мне не нравятся, — писал он Огареву. — Вся история кабака и добывания бумаг некрасива. Нужна ли она? В тексте есть прибавочки, ех. гг. (сохрани, боже)» (XX, 40). Вследствие этого Герцен сопроводил публикуемые материалы следующим примечанием: «Помешаем два любопытные документа, которых достоверность остается на ответственности неизвестного нам корреспондента».

Письмо печатается по автографу «софийской коллекции».

Препроводя эти два документа в редакцию «Колокола», я считаю долгом сделать оговорки и изложить, каким образом мне удалось достать

эти копии. *Оговорки следующие*: оба эти документа мы лично видели в подлиннике, в чем заверяем почтенных издателей честным словом, но были ли они отправлены по назначению, не знаем, так как только второй видели подписанным Шуваловым, первый же хотя был отлично переписан, но был еще кем-то исправляем, что нами и оговорено в выносках, вероятно, судя по пометке на боку, самим шефом жандармов. Мы его переписали с буквальной точностью. — Где видны неоговоренные ошибки — это ошибки уже наши, при переписке, так как ниже вы узнаете, что первый список делается очень поспешно и карандашом, а настоящий уже под диктовку с первой копии.

В отношении же того, как мы добыли эти редкости, мы сообщаем следующее, ручаясь за достоверность тоже честным словом. — Вскоре после каракозовской истории мы стали встречаться в одном месте с офицером лейб-гренадерского полка, поручиком или штабс-капитаном, по фамилии нам пока неизвестным. Его фамилию мы когда-нибудь вам сообщим, узнав. Из разговора мы могли им заинтересоваться. Он не скрывал, что был лично известен Муравьеву в Вильне и что его теперь Муравьев пригласил в комиссию по каракозовскому делу как *опытного* человека. Нас это заинтересовало, тем более, что у него есть неопцененное качество — болтливость и страсть к пиву. Мы тотчас же сочли своим долгом поддерживать с ним некоторое знакомство (уличное). Он между прочим сообщал нам о каком-то письме Еденауера к Муравьеву о способе добиться от бедного Каракозова ответов — гальванизированием его. (Не знаю, правда ли это. Не знаете ли вы что-нибудь об этом?) Впрочем, этот слух я слышал потом и в публике. Говорят, Муравьев запрашивал у «ученого», а «ученый» и дал этот совет.

Недавно я вечером захожу в гостиницу «Пекин» на углу Моховой и вижу моего знакомого за чаем. Мы уселись и разговорились. По счастью или по несчастью, не знаю, как вы найдете это, милостивый государь, у меня есть портфель, совершенно похожий на таковой же у этого господина. Он-то и помог! — Мы слушали орган, говорили и проч. — вдруг ему понадобилось выйти за известною надобностью. Он ушел, а мне нужно было заглянуть на одну бумагу у себя в портфеле. По рассеянности, я беру чужой, разворачиваю, тяну — и о, ужас! Бланк, другой, третий — III Отделения. Меня это огорошило и раскрыло все. Глазю — подпись Шувалова, бегу глазами — что-то в высшей степени интересной и *строжайше конфиденциально*. У меня сейчас же составилась план. Я кладу все на место. Собеседник возвращается, мы пьем пиво, а потом водку еще часа три и затем выходим. Я нарочно не позволяю ему ехать, идем, его водка разбирает, и мне удается его уговорить ехать ко мне ночевать. Соглашается. — Когда он отлично уснул — да будет мне это прощено, что же делать? Может, и нехорошо, — я достаю бумаги, тихонько уношу к соседу по комнате — студенту, и он вмиг переписывает, а я ложусь пока на свое место. К утру бумаги все на месте, и офицер императорской русской гвардии и, как очевидно, служащий в III Отделении и близкое лицо почему-то гр. Шувалову уезжает от меня, ничего не подозревая. Теперь уже мы с ним не встречаемся, и я его не боюсь. Можете публиковать и эту историю, если сочтете необходимым. А фамилию его я тоже вам сообщу.

Русский либерал

Зачем все это было у этого господина, каким образом к нему попало, — наконец, было ли все это отправлено Альбединскому и Глазенану — не знаем, но что сами видели все это писанным на печатных бланках — опять-таки ручаемся. Повторяем, на второй копии была и подпись Шувалова.